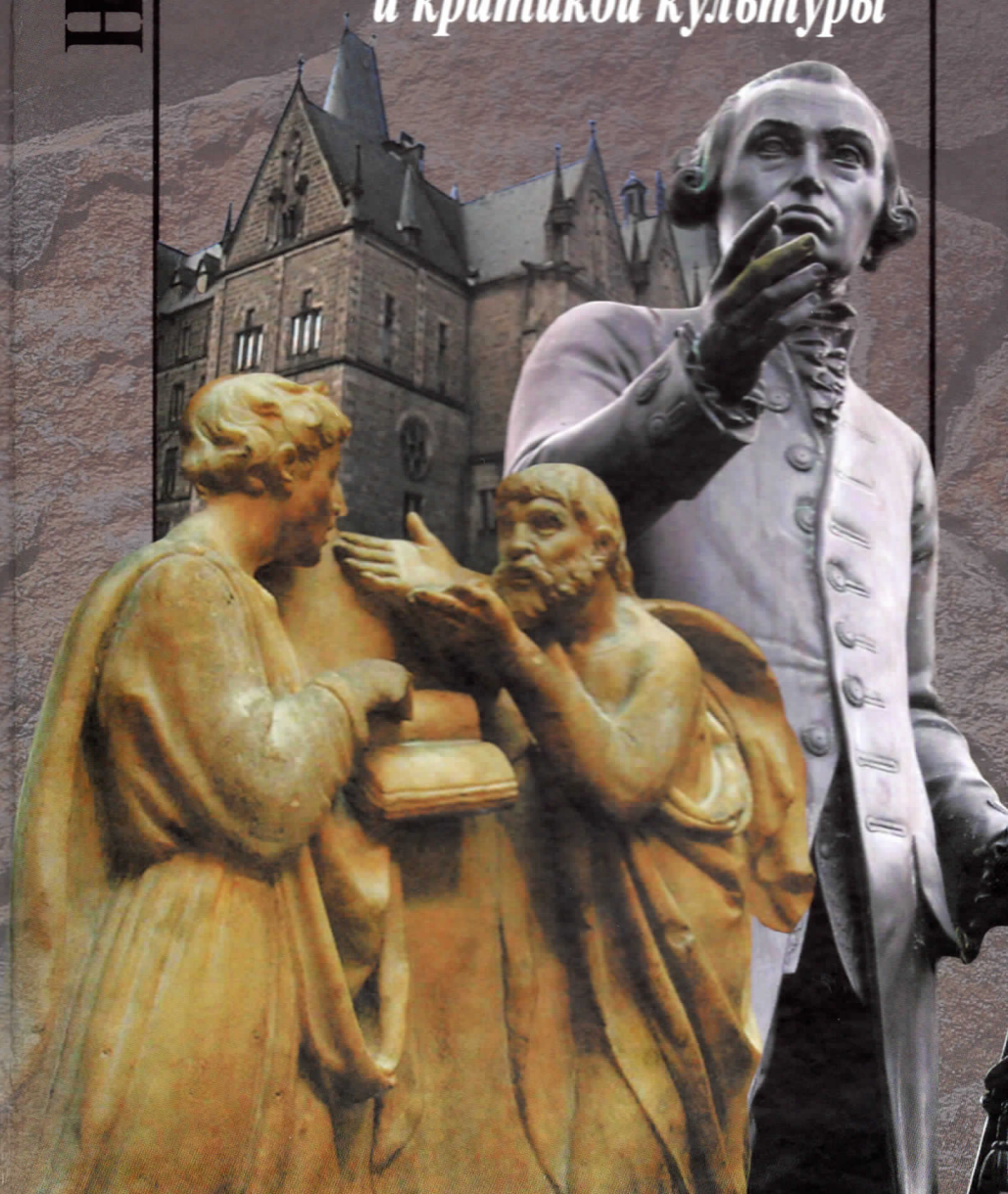

Humanitas

Неокантианство
немецкое и русское:
*между теорией познания
и критикой культуры*

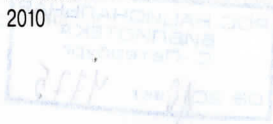

2010-5
9084

Неокантианство немецкое и русское: *между теорией познания и критикой культуры*

РОССПН
Москва
2010

3275132

2-0102
64800

УДК 13(082.1)

ББК 87

H52

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С. Я. Левит
Заместитель главного редактора И. А. Осинская

Редакционная коллегия серии:

Л. В. Скворцов (председатель), П. П. Гайденко, И. Л. Галинская,
П. С. Гуревич, В. Д. Губин, Г. И. Зверева, А. Н. Кожановский, И. В. Кондаков,
Л. А. Микешина, Ю. С. Пивоваров, И. И. Ремезова, А. К. Сорокин

Научные рецензенты:

доктор философских наук, профессор В. В. Васильев,
доктор философских наук, профессор В. Н. Садовский

Редактор И. И. Ремезова
Художник П. П. Ефремов

Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
Проект № 09-06-07048

Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / [под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 567 с. — (Humanitas).

ISBN 978-5-8243-1458-8

В монографии представлены результаты исследовательской работы интернационального авторского коллектива, в которых обосновывается историческое и актуально-эвристическое значение неокантианства для современной эпистемологии, философии науки, методологии социогуманитарного знания, философской антропологии и философии культуры. Впервые неокантианство рассматривается во взаимосвязи и взаимовлиянии оригинальных философских концепций его немецких и русских представителей, в полемике с оппонентами, что позволяет вскрыть мощный нерастратенный методологический и теоретико-философский потенциал этого, казалось бы, ставшего историей философского течения.

Книга предназначена исследователям современного философского процесса, эпистемологам, методологам, философам науки и культуры, историкам философии, а также всем интересующимся современными проблемами гуманитарных наук.

УДК 13(082.1)

ББК 87

ISBN 978-5-8243-1458-8

© Левит С. Я., составление серии, 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

Неокантианство и марксизм

Д. Стейла

История и идеалы: значение некоторых неокантианских тем в спорах русских марксистов на рубеже XIX и XX веков

Европейского интеллектуала при взгляде на российскую периодическую печать начала XX в. складывалось довольно странное впечатление. Макс Вебер писал:

«Во всех этих журналах немцу сразу бросается в глаза, как много в них занимаются философией и, в особенности, теорией познания. [...] Для Виндельбанда, Зиммеля, Авенариуса и Маха, Штаммлера, марксизма и т. д. найдется, по крайней мере, один журнал, который на них постоянно ориентируется, и целый ряд других, столь же настойчиво их критикующий»¹.

Интерес к философии удивительным образом распространился в необычной среде: философские споры велись не только в университетах и на страницах научных журналов, но также среди ссылных и заключенных. Например, Ф. В. Ленгник, социал-демократ, вспоминал, что во время сибирской ссылки читал Юма, Канта и Шопенгауэра². А экономист С. Г. Струмилин писал, что, находясь в тюремном заключении в Санкт-Петербурге, он использовал преимущества тюремного досуга для того, чтобы обеспечить себя «философским оружием» против тогдашних оппонентов³.

Другая черта российских философских споров рубежа XIX—XX веков, без сомнения заслуживающая внимания западного на-

¹ Weber M. Zur Russischen Revolution von 1905: Schriften und Reden 1905—1912. Tübingen, 1996. S. 5—6. Цит. по: Плотников Н. С. Философия «Проблем идеализма» // Проблемы идеализма. М., 2002. С. 10.

² Ленгник Ф. В. Письма В. И. Ленина по вопросам философии, писанные мне в 1898—1899 гг. // Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 т. М., 1960. Т. 3. С. 25—26.

³ Струмилин С. Г. Из пережитого. 1897—1917. М., 1957. С. 118.

блюдателя, — число и разнообразие немецких философов, на которых ссылаются дискутирующие: здесь присутствуют Риль, Виндельбанд, Коген наряду с Махом и Авенариусом, а также Шуппе, Гельмгольц, Оствальд и др. Это — одна из причин, по которой исследователи данного периода говорят о сложности использования таких понятий, как «кантианство» и «неокантианство»¹. Например, Челпанов, которого, в принципе, можно считать неокантианцем, явно соединял в своей концепции элементы очень разных учений: Канта, Шуппе, эмпириокритицизма.

В этом сложном контексте дискуссий, в которые были вовлечены различные политические круги, испытывавшие на себе разнообразные философские влияния, особое внимание уделялось политическим и социальным темам, «практическим» следствиям теоретических рассуждений. По словам Зеньковского,

«философия возбуждала надежды, далеко выходящие за пределы ее возможностей, — от нее ожидали не столько ответа на теоретические запросы ума, сколько указаний на то, как разрешить вопросы жизни. Это не было устранение теоретических проблем, а была *потребность целостного синтеза, аналогичного тому, какой дает религия*»².

В России читали немецких философов именно с такими чаяниями: российский читатель старался извлечь из их трудов не только систематическую рефлексию над теоретическими проблемами, но также и общее мировоззрение для понимания и изменения реальности. Бердяев подверг такой подход критике в сборнике «Вехи» (1909):

«Интеллигенция готова принять на веру всякую философию под тем условием, чтобы она санкционировала ее социальные идеалы, и без критики отвергнет всякую, самую глубокую и истинную философию, если она будет заподозрена в неблагоприятном или просто критическом отношении к этим традиционным настроениям и идеалам»³.

С одной стороны, российские интеллектуалы подходили к философии с особыми «практическими» запросами, с другой стороны, революционные политические движения считали необходимым обеспечить себя философской базой и теоретическим оружием. В России конфликт между марксизмом и народничеством, как известно, сосредоточился на вопросе о том, необходимо ли России проходить

¹ См.: Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007. С. 134—135.

² Зеньковский В. В. История русской философии. Т. I. Ч. 1. Л., 1991. С. 120.

³ Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 6—7.

этап капиталистического развития. Для российской интеллигенции, рожденной и вскормленной в глубоком уважении к естественным наукам, было вполне понятным стремление основать свои исторические предсказания на твердом научном фундаменте, сравнимом с физикой или химией. Важные философские проблемы, такие как смысл истории, роль субъективности в истории, онтологическая или этическая природа идеалов, стали полем политических баталий.

Философские споры в русском марксизме с самого начала сосредоточивались вокруг кантианских тем и задействовали кантианскую терминологию. Среди основных действующих лиц «спора о вещи-в-себе в рамках социалистического поля», как обозначил это событие Ф. Штаудингер в 1899 г.¹, фигурировал Г. В. Плеханов, признанный «отец» российского марксизма. Плеханов вступал в спор несколько раз в период между 1898 и 1899 гг., опубликовав несколько статей против Эдуарда Бернштейна и Конрада Шмидта в «Die Neue Zeit», печатном органе германской социал-демократии. Особенно его волновали эпистемологические проблемы: споря с Конрадом Шмидтом по поводу концепции «феномена» и «вещи-в-себе» и размышляя над гельмгольцианской физиологией И. М. Сеченова, Плеханов вырабатывал в те годы теорию познания, которая, как он ожидал, должна была противостоять любой атаке на материализм². В то же самое время, его наиболее преданная последовательница Л. И. Аксельрод, изучавшая философию в Бернском университете и прекрасно знакомая с немецкой академической философией, в своем критическом исследовании кантианства, проведенном вплоть до работы Г. Когена «Теория опыта Канта», отстаивала самый строгий материализм³.

Здесь, однако, я хотела бы рассмотреть не этот хорошо известный аспект спора между марксизмом и неокантианством (в широком понимании) в России конца XIX — начала XX в. Я остановлюсь на дискуссии по таким вопросам, как философия истории, роль индивидов и их ценностей, переплетение истории и этики. Мне хотелось бы показать, что полемика с кантианством в русских политических и философских спорах того времени отражала, помимо всего прочего, насущную потребность в строгой научности. Хотя неокантианство и не было настолько широким течением в русской философии, — по крайней мере, его влияние нельзя срав-

¹ *Staudinger F.* Der Streit um das Ding an sich und seine Erneuerung im sozialistischen Lager // *Kant-Studien*. 1899. Bd. VI. S. 167—189.

² См. об этом: *Steila D.* Genesis and Development of Plekhanov's Theory of Knowledge. A Marxist Between Anthropological Materialism and Physiology. Dordrecht, 1991.

³ *Аксельрод Л. И.* Опыт критики критицизма // *Научное обозрение*. 1900. № 12. С. 2084—2085.

нивать с влиянием эмпириокритицизма или, позднее, религиозной философии — оно играло очень важную роль в философских и политических дебатах. Бердяев в уже цитированном ранее эссе из «Вех», утверждал:

«Творческих же нео-кантианских традиций в русской философии не было [...]. [Но] справедливость требует признать, что интерес к Канту, к Фихте, к германскому идеализму повысил наш философский-культурный уровень и послужил мостом к высшим формам философского сознания»¹.

Мне хотелось бы показать, что это верно также и внутри марксистского течения. В частности, будут рассмотрены два эпизода российской интеллектуальной жизни: марксистская дискуссия вокруг критики Р. Штаммлера в 1896—1898 гг. и споры вокруг «Проблем идеализма» в 1902—1903 гг.

Критика марксистской философии истории Рудольфом Штаммлером

В 1896 г. Штаммлер опубликовал книгу «Wirtschaft und Recht»². Ее русский перевод вышел в трех различных изданиях в 1898 и 1899 годах³. В этой работе Штаммлер рассматривал проблему соотношения свободы и необходимости в исторических науках. «Законы», в соответствии с которыми мы сводим к единству нашу сложную социальную жизнь, суть всего лишь формы нашего знания о социальных явлениях. Наряду с эпистемологической позицией Штаммлер формулирует телеологическое положение, согласно которому социальная жизнь — это сознательная реализация целей путем выбора соответствующих средств. Согласно Штаммлеру, экономика представляет сферу причинной необходимости, право же касается практической сферы. Здесь мы не будем обсуждать, возможно ли непротиворечиво соединить эти две перспективы, как на то притязал Штаммлер. Суть в том, что с этой позиции Штаммлер принял критику марксизма, а именно — его стремления свести историю к законам экономики. Именно так, считал Штаммлер, Маркс выработал научное объяснение исторических фактов, казавшихся ему неизбежными и полностью независимыми от челове-

¹ Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда. С. 14.

² Stammler R. Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. Eine sozialphilosophische Untersuchung. Leipzig, 1896.

³ Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. СПб, 1898; Штаммлер Р. Хозяйство и право... Приложение к ж-лу «Северный Вестник». СПб., 1898, № 1—10/12; Штаммлер Р. Хозяйство и право... СПб., 1899.

ской воли. В результате, — вопрошал Штаммлер, — зачем призывать людей к классовой борьбе? Наиболее последовательным было бы сидеть и ждать. Штаммлер замечает, что никто всерьез не будет думать об основании политической партии или революционного движения для достижения лунного затмения, потому что мы знаем, что затмение зависит исключительно от астрономических законов, а ни в коем случае не от человеческих действий. Тот факт, что марксисты призывают людей действовать, был для Штаммлера признаком недостаточной согласованности марксистской позиции, так как, осознанно или нет, но в конце концов они приходят к тому, что рассматривают человеческие усилия по достижению какой-либо цели как одно из условий реализации этой цели.

Работа Штаммлера вызвала дискуссию среди русских марксистов, в особенности потому, что поднятая тема вовсе не была совсем новой для российского политического дискурса. Как писал в 1907 г. И. А. Давыдов, представляя перевод второго издания книги Штаммлера на русский язык,

«народническая мысль смутно сознавала, что жизнь человеческого “я” шире, многообразнее науки, как познания причинно-возникающего; что в сознании человека коренится идея безусловного, идея должного; что человек — не только явление природы, не только нечто возникающее, развивающееся, но что он в то же время преисполнен *самодовлеющего значения*, которое меньше всего может заимствовать этот свой характер от сущего, от эмпирически данного, от того, к чему приводит так называемый естественный ход вещей»¹.

На взгляд неокантианца Давыдова, главную ограниченность народнической мысли следовало видеть в ее поисках философских оснований в позитивизме вместо кантианства. И теперь от марксистов зависело создание зрелой и прочной связи с кантианской перспективой:

«Синтез идеализма и марксизма далеко не представляет собой простой механической смеси разнородных элементов; напротив, это — нечто целостное, органически сплетающееся, что одинаково воздаст должное обоим великим мыслителям»².

В изданиях работы Штаммлера 1898—1899 гг. не стоит, однако, видеть разрешения того кризиса, в который русский марксизм в то

¹ Давыдов И. А. Предисловие // Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. 2-ое изд. / Под ред. И. А. Давыдова. СПб., 1907. С. IV.

² Там же. С. LXXI—LXXII.

время только вступал. Они, скорее, привлекли внимание русских марксистов к проблеме отношения исторической необходимости и политического действия. Как с иронией писал современник,

«с тех пор как профессор Штаммлер свел на очную ставку критицизм и теорию Маркса, невозможно быть марксистским писателем, не обзаведясь своей философией, хотя бы для домашнего обихода»¹.

С. Н. Булгаков, в то время еще марксист, оценил вклад Штаммлера как стимул для осуществления критической рефлексии, но поначалу сам отстаивал ортодоксию экономического материализма: свобода есть не что иное, как субъективная психологическая иллюзия, так как причинность прочно господствует в человеческом опыте². П. Б. Струве был ближе к неокантианской позиции Штаммлера, считая, что в рамках человеческого знания о мире свобода и необходимость могут быть примирены. Если каузальность и телеология непримиримы как теоретические дефиниции, то необходимость и свобода, по убеждению Струве, придут в гармонию в перспективе будущего³.

Однако эта проблема имела решающее значение в первую очередь для марксистской практики. Говоря словами неокантианца П. И. Новгородцева, на тот момент только что вернувшегося из Германии⁴,

«трудно провести до конца то сочетание фатализма и прагматизма, которое свойственно было учению Маркса. Фаталистическая уверенность в неизбежном наступлении совершенного состояния в сущности низводила человеческое действие до степени простого отражения объективного хода событий. Что значат призывы к действию и борьбе, если все решается неотвратимыми имманентными законами истории?»⁵.

Рассматривая путь, проделанный им «от марксизма к идеализму», Булгаков в 1903 г. подчеркивал важность работы Штаммлера:

«Когда появилась (в 1896 году) книга Штаммлера, [...] пришлось признать стоящим вне всякого спора, что самый идеал марксизма дается не

¹ Габрилович Л. Новейшие русские метафизики // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75 (5). С. 647.

² См.: Булгаков С. Н. О закономерности социальных явлений (1896) // Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. Сб. статей (1896—1903). СПб., 1903. С. 1—34; Булгаков С. Н. Закон причинности и свобода человеческих действий (1897) // Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. С. 35—52.

³ См.: Плотников Н. С. Философия «Проблем идеализма». С. 15.

⁴ См.: Дмитриева Н. А. Русское неокантианство... С. 148—150.

⁵ Цит. по: Колеров М. А. Idealismus militans: история и общественная смысл сборника «Проблемы идеализма» // Проблемы идеализма. С. 87.

наукой, а “жизнью”, является, стало быть, *вне-научным* или *не-научным*. Этот вывод для “научного” социализма, гордящегося именно научностью своего идеала, представляется в сущности довольно убийственным»¹.

На защиту исторического и экономического материализма от нападок Штаммлера встал Плеханов, посвятивший существенную часть своей работы «К вопросу о роли личности в истории» опровержению критики Штаммлера и, в первую очередь, его удачного примера с лунным затмением. Плеханов признавал, что «партия для содействия лунному затмению могла бы возникнуть только в сумасшедшем доме», так как «в число тех условий, сочетание которых необходимо для лунного затмения, человеческая деятельность никаким образом не входит и входить не может». Плеханов продолжает:

«Чтобы пример лунного затмения перестал быть бессмысленным [...], надо было бы вообразить, что луна одарена сознанием и что то положение ее в небесном пространстве, благодаря которому происходят ее затмения, кажется ей плодом самоопределения ее воли и не только доставляет ей огромное наслаждение, но и безусловно нужно для ее нравственного спокойствия, вследствие чего она всегда страстно стремится занять это положение. Вообразив все это, надо было бы спросить себя: что почувствовала бы луна, если бы она, наконец, открыла, что в действительности не воля и не “идеалы” ее определяют собою ее движение в небесном пространстве, а, наоборот, ее движение определяет собою ее волю и ее “идеалы”»².

Согласно Штаммлеру, в таком случае луна была бы парализована. Но для Плеханова признание того, что определенные процессы являются необходимыми, скорее вызовет более активное практическое действие:

«Необходимость отождествляется в моем сознании со свободой, а свобода с необходимостью, и тогда я не свободен только в том смысле, что не могу нарушить это тождество свободы с необходимостью; не могу противопоставить их одну другой; не могу почувствовать себя стесненным необходимостью. Но подобное отсутствие свободы есть вместе с тем ее полнейшее проявление. [...] сознание безусловной необходимости данного явления может только усилить энергию человека, сочувствующего ему и считающего себя одной из сил, вызывающих это явление»³.

¹ Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. С. X.

² Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 303.

³ Там же. С. 307—308.

Столкнувшись с кантианской постановкой проблемы свободы и необходимости, русский марксизм впервые раскололся на два отдельных течения, тогда как до этого момента несколько различных трактовок этой проблемы мирно сосуществовали в общей враждебности к народничеству. Как суммировал Струве в 1900 г.,

«в России [...] есть только две крупнейшие этические партии. Одна отстаивает [...] высшую ценность жизни, т. е. автономию личности, и все внешние общественные и государственные условия, обеспечивающие такую автономию, другая [...] ее отрицает»¹.

С одной стороны, правоверные плехановцы разрешали противоречие между личной свободой и всеобщей необходимостью, отождествляя в духе Спинозы свободу с осознанной необходимостью и тем самым ограничивая роль отдельной личности; с другой стороны, так называемые «легальные марксисты», отталкиваясь от кантовских этических проблем, созревали для перехода на позиции теоретического идеализма и политического реформизма. Как вспоминал Булгаков,

«в связи с полемикой против Штаммлера, а также и помимо нее, я ставил себе более общую и широкую задачу, состоявшую в том, чтобы внести в марксизм прививку кантовского критицизма, подвести под него гносеологический фундамент, придав критическую формулировку основным его социологическим и экономическим учениям»².

Философы и философские течения, к которым обращались русские «легальные марксисты», были довольно разнородными, и вряд ли их можно было определить как чисто неокантианские. Ссылаясь на Наторпа и Виндельбанда, а также на Рия и Шуппе, Булгаков, Бердяев и Струве пытались подвести этический фундамент под «социальные идеалы», отвергая то, что они порицали как детерминизм и экономизм в ортодоксальном марксизме, равно как и в немецком ревизионизме, ибо Бернштейн был отвергнут ими как буржуазный филистер³. Как вспоминал Бердяев несколькими годами позже, «был период, когда мы [...] хотели использовать неокантианство для критического реформирования марксизма и для нового обоснования социализма»⁴.

В 1901 г. Бердяев принял участие в дискуссии между марксистами и народниками с довольно необычных позиций. По его мнению, ис-

¹ Струве П. Б. О нашем времени. Цит. по: Колеров М. А. *Idealismus militans*. С. 95.

² Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. С. XI.

³ См.: Письмо Н. А. Бердяева и П. Б. Струве к Н. Потресову, январь 1899 г. // Колеров М. А. *Idealismus militans*. С. 91—92.

⁴ Бердяев Н. А. *Философская истина и интеллигентская правда*. С. 14.

тина, добро и красота — идеальные понятия, независимые от исторической и социальной ситуации, но обладающие абсолютной значимостью, так как они укоренены в трансцендентальном сознании. Он, однако, признал, что случайные условия могут препятствовать индивидам или классам в принятии истины или справедливости, несмотря на укорененность этих ценностей в трансцендентальном сознании. На этой основе он разработал и отстаивал «идеалистическую теорию мессианства пролетариата»¹. Истина и справедливость, хотя и являются «логически обязательными для любого рационального существа», но в данной конкретной исторической ситуации оказываются «психологически доступными только для одного класса»². Именно пролетариат как «универсальный класс» должен был представлять максимально возможное приближение психологического сознания к трансцендентальному. Такая переформулировка марксизма ясно демонстрировала черты «поворота к идеализму», который Бердяев осуществил в том же году, объявив о своей «борьбе за идеализм» в статье, открывавшей июньский номер журнала «Мир Божий»³.

Идеализм вовсе не рассматривался как антитезис марксизма. Булгаков ясно указал на это:

«Мое теперешнее идеалистическое мировоззрение складывалось в атмосфере социальных идей марксизма, и уже поэтому оно не есть, не может и не должно быть сплошным его отрицанием, напротив, оно стремится к углублению и обоснованию именно того общественно-го идеала, который начертан на знамени марксизма и составляет его душу. Можно в известном смысле сказать, что идеализм стремится выполнить относительно социального идеала ту службу, которую в марксизме служит ему экономический материализм, является как бы новым фундаментом, подведенным под старое здание»⁴.

Проблемы идеализма

Книга под заглавием «Проблемы идеализма» вышла в свет в конце 1902 г. и приобрела большую популярность. Она была вдохновлена концепцией скорее этического, нежели метафизического «идеализма» с глубокими социально-политическими следствиями. При-

¹ Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 122—123.

² Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. СПб., 1901. С. 53.

³ Бердяев Н. А. Борьба за идеализм // Мир божий. 1901. № 6 (июнь). С. 20—21.

⁴ Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. С. VI.

поддержке Московского психологического общества двенадцать в разной степени известных авторов опубликовали под одной обложкой свои эссе, вдохновленные общим интересом к великим философским и прежде всего этическим темам, которые позитивизм, доминировавший в предыдущие годы, казалось, игнорировал.

В предисловии Новгородцев приветствовал идеализм как течение, которое заменит позитивизм в сознании российской интеллигенции. «Пред лицом сложных и неустранимых проблем нравственного сознания, философской любознательности и жизненного творчества», позитивизм продемонстрировал свою несостоятельность. Новгородцев заключает: «Необходим свет философского идеализма, чтобы удовлетворить эти новые запросы»¹. Такие вопросы, как свобода воли, отношение между сущим и должным, ценность личности, были поставлены в центр философского внимания. Сам Новгородцев, развивая идеи Виндельбанда, подчеркивал практические и политические цели идеализма:

«Современный поворот к философии не есть плод одной теоретической любознательности: не одни отвлеченные интересы мысли, а прежде всего сложные вопросы жизни, глубокие потребности нравственного сознания выдвигают проблему о должном, о нравственном идеале»².

Булгаков отстаивал тесную связь между идеализмом и политическим стремлением к социальным изменениям:

«Современная философия должна стать лицом к великой социальной борьбе наших дней, быть ее выразительницей и истолковательницей; она не должна замыкаться от жизни в кабинете, чем грешит современная немецкая философия, — буржуазные симпатии представителей которой, к сожалению, не остаются без влияния на их социальные воззрения»³.

Согласно Булгакову, вовлеченность человека в политическую и социальную борьбу отныне «будет мотивироваться не классовым эгоистическим интересом, а явится религиозной обязанностью, абсолютным приказом нравственного закона, велением Бога»⁴.

Этот том, вышедший тиражом в 3000 экземпляров, был распродан менее чем за год, несмотря на довольно высокую стоимость (3 рубля). Возникли кружки чтения этой книги, в библиотеках выстроились очереди. Негодующие или восторженные рецензии по-

¹ Новгородцев П. И. Предисловие // Проблемы идеализма. С. 236.

² Там же. С. 234.

³ Булгаков С. Н. Основные проблемы теории прогресса // Проблемы идеализма. С. 287.

⁴ Там же. С. 289.

явились во всех крупных периодических изданиях. С особенным восторгом на книгу отреагировала прогрессивная интеллигенция.

В то же время живая «философская» дискуссия захватила и Вологду, где царский режим собрал большое и разнообразное сообщество политических ссыльных. По словам свидетеля, «тогдашняя Вологодская ссылка представляла, можно сказать, не боясь впасть в преувеличение, квинтэссенцию партий с.-р., с.-д. и к.-д.». Вологда стала «Новыми Афинами» и была известна по всей России¹. Там жили А. А. Богданов, философ-большевик, и Б. В. Савинков, будущий лидер социалистов-революционеров; в 1902 г. туда приехал А. В. Луначарский; П. П. Румянцев и С. А. Суворов работали в статистическом бюро местного земства; из идеалистов в Вологде жили Б. А. Кистяковский и Н. А. Бердяев.

Так как Бердяев и Кистяковский довольно хорошо знали современную немецкую философию, особенно неокантианство, их оппоненты были вынуждены поддерживать определенный уровень философских рассуждений. Богданов и его единомышленники предпочитали определять себя как «реалистов», нежели как материалистов, отрицали плехановскую ортодоксию и глубоко интересовались эмпириокритицизмом как «зрелой» формой позитивизма. Так, Луначарский опирался на эмпириокритицизм, опровергая мысль идеалистов о том, что позитивизм с необходимостью ведет к гедонистическому утилитаризму. Согласно Луначарскому, предложенная Авенариусом «критика опыта» показала прямо обратное, так как установила неразрывную связь между знанием и оценкой².

Новая марксистская «научная философия» пыталась противостоять тем марксистам, которые следовали по пути «от марксизма к идеализму»³. В течение некоторого времени это было единственным ответом русскому «ревизионизму». Как довольно зло комментировал ситуацию П. С. Юшкевич, Плеханов и его ученики на самом деле вели себя очень тактично, потому что были приведены в замешательство довольно сложными мыслями своих соперников.

«Они превосходно понимали социальное значение модной книги и причины ликования образованного общества, но они чувствовали

¹ Ермолаев Е. И. Мои воспоминания // Север. 1923, № 3—4. С. 9; Ремизов А. «Северные Афины» — история с географией // Современные записки. 1927. Т. XXX. С. 234. См. также: Biggart J. Bogdanov and Lunacharskij in Vologda // Newsletter of the Study Group on the Russian Revolution. 1980. N. 5. P. 29—31.

² См.: Луначарский А. В. «Проблемы идеализма» с точки зрения критического реализма // Образование. 1903. № 2. С. 130—131.

³ См.: Гельфонд И. Философия Дицгена и современный позитивизм // Очерки по философии марксизма. СПб., 1908. С. 245.

свое неумение бороться с книгой ее же философским оружием, признавали свое бессилие и молчали»¹.

Но более вероятно, что они просто не хотели разрывать отношений со своими оппонентами: в это время Плеханов был особенно заинтересован в сотрудничестве со Струве. Успех немецкого ревизионизма и тревожные сигналы из России, где, как говорили, среди молодых людей распространяется некое «кантианское безумие»², убедили Плеханова написать серию критических эссе против Струве в 1901—1902 гг., но ни одно из них не было столь же резким, как статьи Плеханова против Бернштейна или Шмидта³.

Плехановцы и «махисты» оказались на одной стороне баррикад в борьбе против неокантианских марксистов, но очень быстро между соратниками обнаружились глубокие разногласия. «Ортодоксы» придерживались материализма, понятого не только как учение об историческом развитии, но также как онтологическое и эпистемологическое учение. «Махисты» же отрицали материализм и принимали «реализм». Под названием «Очерки реалистического мировоззрения» марксистская группа в Вологде организовала выпуск большого коллективного тома, предполагаемого как систематический ответ сборнику «идеалистов»⁴. По крайней мере, поначалу казалось, что их замыслом было представить все разнообразие позиций внутри российского марксизма против поднимающегося идеализма. Приглашенный Плеханов согласился участвовать в сборнике только при условии, что он будет критиковать также и «реализм», который разделяло большинство его соавторов⁵. Но Плеханов так и не написал свою часть, и сборник по «реалистическому мировоззрению», рождавшийся в прямой полемике с «Проблемами идеализма», стал первой «махистской» коллективной публикацией в русском марксизме.

В анонимном введении сообщалось, что идеализм отвергается авторами как нездоровый результат эпохи бессилия идеалов, деморализации, неверия в человеческие возможности и поиска опоры в гипотетических метафизических гарантиях. Напротив, реалистическое мировоззрение, которое авторы с единодушием стремились

¹ Юшкевич П. С. О философских направлениях в марксизме // Новая книга. 1907. № 2—3. С. 1.

² См.: Письмо Л. И. Аксельрод Г. В. Плеханову от 15 ноября 1898 г. // Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 295—298.

³ См.: Плеханов Г. В. Критика наших критиков // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2. С. 504—633.

⁴ См.: Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 29.

⁵ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. 5-е изд. М., 1965. Т. 47. С. 141—145.

развивать, характеризовалось отказом от любого метафизического абсолюта и скромными притязаниями на истину. У этой концепции было одно важное практическое следствие: теоретический «реализм» как строгое и лишенное иллюзий мировоззрение нужно было связать с практическим «идеализмом» как энергичной включенностью в жизнь¹.

Луначарский, в частности, утверждал, что «ложному» метафизическому идеализму следует противопоставить подлинный идеализм, поддерживающий «идеал могучей, полной жизни, который человечество может завоевать на земле путем эмпирического познания, техники и искусства, и, наконец, социального творчества». Он продолжает:

«Идеал впереди есть могучий стимул к работе, идеал над нами лишает нас необходимости работать»².

Повлияло ли на такую позицию присутствие в дискуссиях того времени кантианских и неокантианских тем? Я думаю, да. Иванов-Разумник описывал роль философского критицизма в 1900—1903 гг. в России следующим образом:

«1900—1903 годы действительно были годами апогея развития философских знаний в России. [...] значительная часть русской интеллигенции к самому началу XX века пришла к тому заключению, что всякое мировоззрение, не опирающееся твердо на критически продуманную философскую систему, — нежизнеспособно и обречено на гибель»³.

Заключение

Что касается тех позиций в российском марксизме, которые я попыталась здесь обрисовать, то мне представляется, что идейная конфронтация с кантианством вынуждала русских марксистов вырабатывать «научную», «строгую» философию.

Это подтверждает весьма тонкий анализ марксистских дискуссий, опубликованный в 1908 г. Н. Н. Алексеевым, приват-доцентом

¹ См.: Ермичев А. А. «Проблемы идеализма» и «Очерки реалистического мировоззрения» — полемика о социальном идеале // Философия и освободительное движение в России. Л., 1989. С. 167—184.

² Луначарский А. В. Основы позитивной эстетики // Очерки реалистического мировоззрения. СПб., 1904. С. 130—131.

³ Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. В 2 т. М., 1997. Т. 2. С. 209.

Московского университета, одним из студентов Новгородцева, который затем уехал на учебу в Германию, а именно, в Марбург к Когену. Алексеев замечает, что на первый взгляд марксистская литература поделена на два течения:

«на *догматическое*, защитниками которого являются Каутский, Плеханов и др.; и *критическое*, представляемое группой писателей, стремящихся сблизить учение Маркса с философией новейшего позитивизма (Мах и Авенариус)»¹.

Но, по мнению Алексеева, так называемые марксистские «критики» не могли считаться таковыми на самом деле, так как марксизм был в первую очередь политической доктриной и потому был обречен на недостаток научной строгости:

«Про философию часто говорят, что некогда была она “служанкой богословия”; и новейшая философия марксистов не эмансипировалась еще от служебных обязанностей в пользу — не спорю, этически прекрасной, — *но отнюдь не научной цели*»².

Марксисты упрекают Канта именно в том,

«что из-за интересов “практического разума” он пренебрег интересами науки и истины. Но ставя свою философию в зависимость от социальных интересов, марксисты поступают подобно Канту, — но с той *громадной* разницей, что последний поступал *сознательно* и говорил: где действует этический интерес, там нет науки, там — область веры; марксисты же полагают, что их философия все же есть наука. Это — характернейший пример философского догматизма в самом широком смысле этого слова»³.

Не стоит обсуждать здесь, а, возможно, и вообще не стоит обсуждать, была ли строгость «научной философии» когда-либо присуща эмпириокритицизму. Хотелось бы только подчеркнуть, что в российских теоретических и политических спорах начала XX в. призыв к кантианству был в первую очередь призывом к строгости научного рассуждения. Следовательно, хотя присутствие кантианской и неокантианской мысли в России носило довольно ограниченный характер, оно было значимым и оказывало серьезное влияние на теоретические споры.

Перевод с английского Ольги Вышегородцевой

¹ Алексеев Н. Н. Философия марксизма. Новейшая литература // Критическое обозрение. 1908. Вып. VI (IX). С. 6—7.

² Там же. С. 8.

³ Там же.

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Раздел I. Кант и неокантианство	
<i>Глава 1. Неокантианство: кантианские сюжеты и мотивы</i>	15
Карлики на плечах гиганта? Рецепция Канта в неокантианстве (<i>У. Рени</i>)	15
О метафизических проблемах в марбургском неокантианстве (<i>Х. Хольцхай</i>)	31
Функционализм как трансцендентальный принцип в философии Марбургской школы (<i>В. Е. Семёнов</i>).....	43
<i>Глава 2. Вокруг Канта: полемика и размышления</i>	56
О необходимости переоценки неокантианства в свете современной интерпретации системы И. Канта (<i>Л. А. Калинин</i>)	56
Право на Канта: к спору Адольфа Тренделенбурга и Куно Фишера (<i>М. Р. Дёмин</i>)	66
«Естественное чувство системы ради единства разума»: Герман Коген как читатель кантовской философии истории (<i>П. Фьорато</i>).....	85
Раздел II. Логика познания и философия науки	
<i>Глава 3. Неизбежные контакты: Гуссерль и неокантианство</i>	103
Ранний Гуссерль и неокантианство: Размежевание с Ф. А. Ланге в «Философии арифметики» (<i>Н. В. Мотрошилова</i>)	103
Конструкция и конституция, или Каково содержание опыта? Гуссерль vs. неокантианцы (<i>С. Люфт</i>)	117
Гуссерль vs. Кассирер: жизненный мир или символический универсум культуры? (<i>А. В. Фролов</i>).....	134
<i>Глава 4. Неокантианство и наука в философии А. Рилья</i>	143
Особенности философского критицизма Алоиза Рилья (<i>Д. Миронова</i>)	143
Алоиз Рилья и культура знания в неокантианстве (<i>Э. В. Орт</i>)...	153

<i>Глава 5. Взгляд из России</i>	165
Логика в русском неокантианстве: образ логики	
А. И. Введенского (<i>В. Н. Брюшинкин, В. С. Попова</i>).....	165
Учение о бесконечном суждении Якова Гордина	
(<i>И. Лейтане</i>)	178
Немецкое неокантианство в контексте российской	
гуманитарной мысли: С. Л. Рубинштейн (<i>В. А. Лекторский</i>).....	197
Основные черты теории познания В. Э. Сеземана	
(<i>К. В. Миклуш</i>)	208
<i>Глава 6. Неокантианская философия и современная наука</i>	221
Понятие и суждение в философии Г. Когена (<i>Т. Б. Дзугач</i>)	221
Отто Бук и понятие материи у Майкла Фарадея	
(<i>М. Джованелли</i>)	227
Дмитрий Гавронский и Эрнст Кассирер: из истории	
Марбургской школы (<i>М. Феррари</i>)	242
Неокантианство и радикальный конструктивизм: тема	
реальности (<i>Б. И. Пружинин</i>).....	257
Раздел III. Человек — общество — история	
<i>Глава 7. Проблема социального</i>	269
Аксиология социального у Генриха Риккерта (<i>К. Крайнен</i>).....	269
Понятие государства в немецком идеализме (О позиции	
Эрнста Кассирера в исторической полемике) (<i>Х. Мёккель</i>)	282
<i>Глава 8. Русское зеркало</i>	299
Учение Германа Когена в России: особенности	
рецепции (<i>В. Н. Белов</i>)	299
Право и мораль. Пауль Наторп и интерпретация Борисом	
Вышеславцевым Канта и Фихте (<i>Ю. Штольценберг</i>).....	317
<i>Глава 9. Неокантианство и марксизм</i>	328
История и идеалы: значение некоторых неокантианских	
тем в спорах русских марксистов на рубеже XIX	
и XX веков (<i>Д. Стейла</i>)	328
Критическая философия сегодня: неокантианство	
и современный марксизм (<i>Ю. А. Муравьев</i>)	342
Раздел IV. Неокантианская антропология	
<i>Глава 10. На подступах к философии человека</i>	363
Кант и Ницше, или Автономная личность и сверхчеловек.	
Антиномии персональности в русском философском	
критицизме рубежа XIX—XX веков (<i>Н. С. Плотников</i>).....	363
Неокантианство и Лев Толстой: от «наукоучения» к учению	
о человеке (<i>Н. А. Дмитриева</i>)	379

Несостоявшаяся альтернатива: неокантианская педагогика в России в начале XX века (К. В. Фараджев).....	400
---	-----

Раздел V. Религия и культура

<i>Глава 11. Коген и философия религии</i>	417
Идеи для новой концепции субъекта в «Религии разума из источников иудаизма» Германа Когена (З. А. Сокулер)	417
От «вечного принципа логики» к мессианскому будущему. Аспекты времени в когеновской критике рациональности (Р. Шиндлер).....	427
<i>Глава 12. Проблемы неокантианской эстетики</i>	441
Бахтин и неокантианство (подступы к проблеме) (В. Л. Махлин)	441
Герман Коген и Михаил Бахтин: диалог об эстетике? (М. Е. Соболева)	462
Проблема эстетического в философии Генриха Ланца (О. А. Попова).....	477
«Сижу за ширмой...»: Александр Блок и Андрей Белый (А. Н. Круглов).....	484
Соотношение образного и нравственного начал в творческом мире Бориса Пастернака (Е. Б. Пастернак) ...	500
Эстетика Г. Когена в контексте современного искусства: актуальные проблемы (Т. А. Акиндинова).....	506
<i>Глава 13. Критика культуры</i>	521
Критический идеализм в эпоху различия (А. Пома).....	521
Неокантианство сегодня: нерешенные вопросы (Г. Эдель).....	532

Указатель имен. Составитель И. И. Ремезова	540
--	-----

Предметный указатель. Составитель Н. А. Дмитриева.....	549
--	-----

Сведения об авторах.....	562
--------------------------	-----